

Париж, 18 марта 1314 г.

Эшафот, представлявший собой наскоро сколоченную площадку с полудюжиной ступенек, был установлен у южного фасада собора Парижской Богоматери – Нотр-Дам де Пари. Строительство самого здания уже было практически завершено, но работы внутри храма должны были продлиться еще не один год.

На мраморных ступенях Нотр-Дама в высоких креслах расположились члены церковного собора: кардиналы, архиепископы, епископы, члены папской курии (знатоки канонического права), съехавшиеся со всех концов христианской Европы, от Испании до Англии и Германии. Больше всего, естественно, было французов.

На лицах большинства из них читалось явное облегчение: этот мартовский день был *последним* днем бесконечного судебного процесса, всколыхнувшего весь католический мир, процесса, на котором решалась судьба могущественного и покрытого как славой, так и бесчестием, ордена рыцарей Храма, полное название которого звучало откровенной насмешкой: орден бедных рыцарей Христа. Кошельки «бедных» рыцарей, может, и не были набиты золотыми монетами, но сам орден обладал богатством, превосходившим состояние едва ли не всех христианских монархов. Вполне понятно, что рыцари Храма не пользовались излишней симпатией коронованных особ. И не только их. В народе тамплиеры также имели весьма дурную репутацию, которая в ходе семилетнего процесса превратилась в неприкрытую ненависть, тем более что вести о немислимых грехах и откровенном богохульстве членов ордена очень быстро просачивались наружу, приводя в ужас богобоязненных жителей Вьенна, где все эти годы заседал собор, обитателей близлежащего Авиньона и, конечно же, парижан, всегда знавших все обо всем. Стоит заметить, что еще задолго до процесса простолюдины французской столицы шептались о том, что юным мальчикам следует остерегаться рыцарей Храма и, укоряя какого-нибудь пьяницу, пеняли ему на то, что он «пьет как тамплиер». А высокомерие храмовников давно уже стало притчей во языцех.

Толпа, заполнившая все пространство от эшафота, который был окружен гвардейцами короля Франции, и до самого берега Сены, возбужденно гудела. Само слово не произносилось вслух, но оно висело в воздухе: «Крови! Крови! Крови!!!» Впрочем, общее возбуждение ни в малой степени не передалось членам собора и папской комиссии, сидевшим в своих креслах на ступенях Нотр-Дама. Они-то знали, что никакой крови не будет. Четыре высших сановника ордена, которые должны были взойти на эшафот, сделают это лишь для того, чтобы подтвердить свои показания, которые они слово в слово повторяли в течение семи лет, а затем выслушать уже известный им самим приговор: пожизненное заключение.

II

В двенадцати лье от Парижа, в личной королевской столовой дворца Фонтенбло сидели два главных лица затянувшейся на семь лет драмы: король Франции Филипп Четвертый, прозванный Красивым, и его ставленник на папском троне, Климент Пятый. Ставленник, да, но слишком упрямый и своевольный. Сколько усилий предпринимал папа, чтобы спасти и орден рыцарей Храма, и высших его сановников. «Неблагодарный негодяй», – в который уже раз подумал король, однако лицо его не выразило при этом никаких эмоций. Все, встречавшиеся с Филиппом, знали, что проникнуть в его мысли и чувства абсолютно невозможно. Всегда бесстрастное лицо монарха даже в критические минуты не позволяло заглянуть в душу короля. Вот и сейчас, услышав стон Климента – бедняга страдал от рака желудка уже не один год, – Филипп плеснул сладкого бургундского вина в золотой бокал Его Святейшества с тем же безмятежным выражением

лица, с которым выслушивал скорбные восклицания папы, отказывавшегося понять поведение высших лиц ордена тамплиеров и особенно Великого магистра Жака де Моле.

Озадаченность папы была более чем оправданна. Он лично выслушал показания семидесяти двух тамплиеров, которых по его приказу не подвергали пыткам; более того, им даже не угрожали пытками. Папа сидел в центре судейского стола, когда напротив него стоял исхудалый седобородый старик, в котором с трудом можно было узнать всегда высокомерного и неприступного Великого магистра. И Климент V, даже имея протокол трех кардиналов, допрашивавших де Моле ранее, отказывался верить своим ушам, когда Магистр гневно вскидывал голову, категорически отвергая обвинения в содомии и прочих плотских грехах, но тут же опускал ее, с глухим бормотанием подтверждая существование богохульного обряда приема в орден, с обязательным отречением от Иисуса Христа и осквернением распятия. Плевать на распятие Господне! Наступать на него сапогом! Папа едва осмеливался читать из протокола эти страшные слова. Но де Моле каждый раз лишь кивал и произносил: «Да. Да. Да». Магистр не отказался от обвинений в богохульстве даже тогда, когда папа торжественно поклялся, что де Моле и прочих не подвергнут пыткам. Так будет ли Жак де Моле защищать орден? Кому же это делать, как не Великому магистру? В ответ прозвучали слова, которые привели в растерянность всех бывших в зале:

– Я не настолько учен, как следовало бы... Как могу я защитить орден должным образом? Я узник папы и короля Франции, и у меня всего лишь четыре денье, которые я мог бы потратить на его защиту.

«Словно откупиться от этих страшных обвинений можно деньгами», – с горькой иронией подумал Климент. И после короткой паузы де Моле стал сыпать именами. Именами тех, кто участвовал в этих богомерзких обрядах, и тех, кто ими руководил. Впрочем, Великий магистр делал это на каждом допросе. Менялись лишь имена. Все названные бывали допрошены и признавались в содеянном, получая пожизненное заключение. Но если, признавшись, они впоследствии отрекались от показаний, суд объявлял их *нераскаявшимися* еретиками. А это означало – *костер*. Более семидесяти рыцарей окончили жизнь в страшных муках, сгорая живьем под радостные вопли толпы.

А всеильный некогда де Моле закончил свою покаянную речь заливаясь слезами и, стоя на коленях, умолял суд подвергнуть его пыткам, дабы братья его не могли сказать, что он добровольно явился причиной их гибели.

Конечно же, ему в этом было отказано: в пытках не было ни малейшего смысла, ведь Магистр сам охотно признался в том, в чем признавался всякий раз, когда предстал перед судом.

«Как? – дивился Климент, морщась от боли в желудке. – Как мог Совет ордена избрать этого безвольного, даже трусливого человечка Великим магистром?» Более того, сообщив о существовании тайного устава ордена, Магистр добавил, что сам он его только видел, но никогда не держал в руках.

И сейчас, сидя за одним столом с королем Франции, отпивая мелкими глотками бархатное густое вино, папа вспоминал, как тогда же, на допросе де Моле, ему пришла в голову мысль, как могли бы тамплиеры «оправдать» богохульственный обряд. А что, если они делали это в память трехкратного отречения апостола Петра? Их, безусловно, подвергли бы порицанию за подобную немислимую глупость – но все-таки *глупость*, а не преступное *богохульство*! А это позволило бы сохранить и орден, и жизни многих бесстрашных рыцарей, доказавших свою верность Церкви в жестоких сражениях с сарацинами. И еще одна загадка: ведь вдобавок к своему тугодумию и малодушию сам Жак де Моле никогда не был участником сражений на Святой Земле. И вдруг – Великий магистр! Поистине, все допросы и дознания не вскрыли и десятой доли тех тайн, которые плотным коконом покрывали то, что было орденом рыцарей Храма... Короля Франции, судя по всему, это занимало очень мало. Для него куда важнее была тайна исчезнувших

сокровищ тамплиеров, которые позволили бы подлатать изрядно прохудившуюся казну монарха.

Ш

Стража, разгоняя зевак, торила в толпе проход, по которому двигалась повозка, запряженная двумя лошадьми. На повозке, удерживаемые цепью, покачиваясь на ослабевших ногах, ехали четыре одетых в лохмотья человека. Когда один за другим они спустились с повозки и начали подниматься по ступенькам, ведущим на эшафот, толпа единой волной хлынула к ним, словно желая погрести под собой, но тут же откатилась, наткнувшись на острия алебард стражи, которая явно не расположена была шутить.

Поднявшись на эшафот, четверо обвиняемых по приказу парижского прево сели на скамью, назначения которой зеваки до тех пор никак не могли понять. Сев, все четверо, как по команде, опустили головы, словно не решаясь смотреть в лица окружавших их со всех сторон людей. Со своего кресла на ступенях Нотр-Дама поднялся архиепископ Санса Гийом Парижский, он же инквизитор Франции, Выпрямившись, он ударил епископским жезлом о мрамор. Толпа мгновенно стихла. Лишь изредка там и сям раздавался шепот:

– Который же из них де Моле? Шарней? А кто из них де Гонвиль?

Ответить на этот вопрос даже человеку, знавшему четырех несчастных, еще несколько лет назад бывших высшими сановниками ордена, было бы непросто. Лохмотья, через которые проглядывали истощенные тела, седые бороды до пояса, изможденные лица, низко опущенные головы. Впрочем, зевакам недолго пришлось мучиться догадками, ибо со ступеней собора прозвучал звучный голос Гийома Парижского:

– Годфруа де Гонвиль, бывший магистр Аквитании, повелеваю вам встать!

Узник, сидевший дальше всех от собора, с трудом поднялся на ноги.

– На всех слушаниях суда вы подтвердили свершение вами и другими рыцарями Храма богохульственных и богопротивных деяний.

Магистр Аквитании молча кивнул. Инквизитор Франции продолжал:

– Решением суда и папского собора вы приговариваетесь к пожизненному заключению в одной из тюрем Его Величества короля Франции. Садитесь.

Де Гонвиль, снова кинув, сел на скамью.

– Гуго де Перо, досмотрщик Франции!

Далее всё продолжалось точно так же, до единого слова. По толпе пронесся ропот разочарования. Все надеялись увидеть нечто вроде допроса, желательно с пытками, услышать из уст преступников рассказ об их ужасающих злодеяниях, а вместо этого архиепископ лишь торжественно зачитал текст приговора, который молча выслушали и Жоффрау де Шарней, командор Нормандии, и сам Великий магистр Жак де Моле.

Архиепископ Санса передал жезл стоявшему у его кресла служке и, воздев руки, обратился к толпе:

– Все слышали милосердный, но неотвратимый приговор суда и собора. Всем четверым подсудимым сохранена жизнь, но проведут они ее в темнице до последнего дня... Что это? – архиепископ повернулся к прево, знаком указывая на эшафот. Там со скамьи поднялся бывший Великий магистр и, собрав воедино остаток сил, выпрямился во весь свой немалый рост.

– Нет! – Его голос гремел как колокол. – Все это ложь!

Гийом Парижский также возвысил голос:

– Вы хотите сказать, де Моле, что в протоколы допросов внесены не ваши слова?

– Мои! – тамплиер в сердцах даже топнул ногой. – Мои. Но я лгал и сейчас отрекаюсь от этой лжи. Свою несмываемую вину я признаю в том, что малодушие мое позволило вам осудить десятки моих товарищей, отправив многих из них на смерть!

Толпа загудела. Стража еще плотнее сомкнула ряды.

– И я! – раздался звонкий голос де Шарнея, вставшего рядом с де Моле. – Я отказываюсь от своих признаний, сделанных ранее перед судом.

– Кто-то еще? – почти прокричал Гийом. Он с трудом сдерживал ярость.

Однако де Гонвиль и де Перо отрицательно мотнули головами, продолжая сидеть на скамье.

Толпа гудела. Даже для видавшего всевозможные виды Парижа это был редкий спектакль. Бюссон, папский советник по части канонического права, наклонился к уху архиепископа, что-то нашептывая ему. Лицо Гийома просветлело, и он снова вскинул вверх руку, в которой на сей раз был зажат архипастырский жезл – символ его власти.

– Молчать!!! – Голос инквизитора Франции был слышен в самых дальних уголках площади, а память о должности Гийома привела в чувство даже самых крикливых и буйных. – Молчать! – Он повернулся к эшафоту. – Если господа де Моле и де Шарней рассчитывают на новый суд, то, уверяю вас, господа, напрасно. По каноническому праву человек, отказавшийся от прежних признаний в богохульстве, объявляется нераскаянным еретиком и как таковой без всяких обсуждений приговаривается к публичному сожжению на костре. Это ваш новый – и *окончательный* – приговор, господа.

Приказав прево под усиленной охраной отвезти де Гонвиля и де Перо в тюрьму, где они до того содержались, Гийом жезлом указал на стоящих на эшафоте тамплиеров.

– Эти двое останутся здесь до получения вестей из Фонтенбло. Мы отправили гонца к Его Величеству, дабы король решил, когда и где состоится казнь.